

А. В. КАРГАЛЬЦЕВ

**Мученичество Св. Мариана и Иакова:
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ***

«Мученичество Святых Мариана и Иакова» (*Passio Sanctorum Mariani et Iacobi*, BHL 131–132) относится к группе агиографических памятников середины III в.¹ В это время Христианская Церковь столкнулась с беспрецедентными преследованиями Деция (249–251 гг.) и Валериана (257–259 гг.). Безусловно, в отдельных провинциях весьма жестокие гонения были и ранее, да и само христианство законодательно определялось как «религия недозволенная», но теперь они носили массовый характер, оставив глубокий след в памяти верующих. По сути, за это время появляется целое поколение христиан, воспринимавших мученичество как естественное завершение жизни, а мотив подражания Христу находит отклик в душах верующих². Многие из них, пережив преследования и пытки при Деции и обретя статус исповедников, встретили свою гибель спустя десятилетие при Валериане. Столкнувшись с проблемой отступ-

* Перевод и исследование выполнены при поддержке РГНФ, проект № 11-31-00342а2 «Комплексное изучение раннехристианской агиографической литературы (II–IV вв.)».

¹ Здесь и далее текст цитируется по классическому изданию: *The Martyrdom of Marian and James // The Acts of the Christian Martyrs / Ed. by N. Musurillo. Vol. 2. Oxford, 1972. P. 194–213.* О стиле, языке, аутентичности и датировке «Мученичества» см.: Каргальцев А. В. К вопросу о гонениях Валериана в Нумидии по материалам «*Passio Sanctorum Mariani et Iacobi*» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 13. СПб., 2013. С. 375–389.

² О мотиве подражания Христу в «Мученичестве Св. Мариана и Иакова» см.: Moss C. *The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom.* New York, 2010. P. 155.

ничества, Церковь во многом обрела монолитность, ведь в условиях постоянной опасности в ней оставались наиболее искренние и преданные вере люди. Все эти настроения нашли отражение в богатой агиографической литературе. В особенности жанр «Мученичества» получил развитие в римской Северной Африке, где традиционно почитание святых, пострадавших за веру, было особенно сильным³. Гонениям Валериана посвящена целая группа агиографических источников: «Житие и страдание Святого и Мученика Целия Киприана Карфагенского», «Мученичество Монтана и Луция», рассказывающие о преследованиях в Карфагене в 258–259 гг., а также «Мученичество Св. Мариана и Иакова», повествующее о событиях в Нумидии весной 259 г., перевод и комментарий которого мы предлагаем вниманию читателя. Этот значительный по размерам текст помимо истории ареста, страданий и славы главных героев, Мариана и Иакова, содержит массу интересных подробностей, раскрывающих поведение римских властей и христиан во время гонения. «Мученичество» — единственный источник, рассказывающий о гибели известных епископов Агапия и Секундина. Наконец, наш текст по-новому раскрывает специфику снов и видений, являющихся одной из важнейших черт африканской агиографии.

Предваряют события гонения Деция и Валериана. Первое, как полагает большинство исследователей, лишь отчасти было направлено против Церкви, представляя собой попытку реформирования римской государственной религии путем установления общеимперских религиозных мероприятий. Второе, напротив, было направлено непосредственно против христиан, и жертвами его стали как видные епископы — Киприан Карфагенский, Фруктуоз Тарраконский, Виктор епископ Рима, так и множество священников и простых верующих. Однако главной мише-

³ Не случайно У. Френд назвал Африканскую Церковь «Церковью мучеников»: Friend W. H. C. The Donatist Church. Oxford, 1952. P. 86.

нию были клирики и представители римской аристократии. Текст второго эдикта не сохранился, сведения о нем содержатся в переписке Киприана Карфагенского (Сург. Ер., 80)⁴. На наш взгляд, целью политики Валериана стала борьба с церковной организацией, которая в середине III в. представляла серьезную силу, потенциально опасную для государства. Кроме того, христиане оставались объектом ненависти языческого населения Империи. Тем не менее, римские власти, по всей видимости, были готовы закрывать глаза на нелояльность государственной религии простых верующих, не входивших в число римской знати. Избиение больших масс народа было просто нецелесообразно в стране, переживающей серьезные демографические проблемы вследствие войн и эпидемий III в. Политика гонений после фактического провала реформы Деция стала носить избирательный характер⁵.

Текст источника, написанный изысканным риторизированным языком, открывается традиционными для африканской агиографии рассуждениями о высоком положении мученика и о тех небесных наградах, которые полагаются принявшим страдание за Христа⁶. Здесь мы знакомимся с главными героями — Марианом, Иаковом и анонимным автором произведения. Последний испытывает чувство вины, что не пострадал вместе с друзьями и приводит слова в свою защиту. Такого рода апология представляется весьма обоснованной, ведь автор мученичества хотя и был связан с Марианом и Иако-

⁴ Об истоках антихристианской политики Валериана см.: Каргальцев А. В. Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник Санкт-петербургского Университета. Серия 2: История. 2012. № 4. С. 124–130.

⁵ Циркин Ю. Б. Император Деций: Попытка возрождения Рима // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 8. СПб., 2009. С. 313–328.

⁶ Как отмечает К. Мосс, африканская агиография выделялась среди остальных текстов этого жанра тем, что мученикам, безусловно, даровалось спасение: Moss С. The Other Christs. P. 130.

вом «не только единством таинства религиозной жизни, но также общностью (*societate*) и семейными чувствами (*domesticis affectibus*)», таинственным образом избежал ареста и дальнейшего преследования, что, очевидно, могло вызвать подозрения у единоверцев (*Pass. Mariani*, 1, 2). Сам он объясняет это тем, что на него возложена обязанность описания славы мучеников (*Pass. Mariani*, 1, 2). Из этого можно заключить, что преследователи, в самом деле, действовали избирательно, отделив уже во время ареста тех, кто был упомянут в эдикте Валериана⁷.

Событийная часть «Мученичества» начинается с путешествия наших героев Нумидию. В тексте ничего не говорится ни о предыдущей жизни Мариана и Иакова, ни о причинах, подвигших их искать венца славы, также не поясняется, для чего они предприняли свою поездку. Тем не менее, примечательна небольшая деталь: в видении Иакова появляется прекрасный юноша весьма значительного роста (*Pass. Mariani*, 7, 3)⁸. Схожий образ, хотя и переданный другими словами, возникает во сне Киприана, накануне его возвращения из изгнания (*Pont. Vit. Cyr.*, 12, 3)⁹. Безусловно, имя карфагенского епископа было хорошо известно во всей африканской Церкви, и известие о его мученической кончине моментально распространилось по всему христианскому миру. Однако у нас нет основания полагать, что кому-то, кроме окружавших епископа единоверцев, были известны подробности его мученичества. Даже по самой смелой оценке А. Гарнака, «Житие Киприана», составленное Понтием, появляется через год или более после его гибели¹⁰. С одной стороны, можно согласиться с точкой зрения Я. Аронена, и признать такого

⁷ Sallmann K., von. *Die Literatur des Umbruchs von der römischen zur christlichen Literatur 117–284 n. Chr.* München, 1997. S. 428.

⁸ *uidi, inquit, iuuenem inenarrabili et satis ampla magnitudine...*

⁹ *iuuenis ultra modum hominis enormis...*

¹⁰ Harnack A. *Das Leben Cyprians von Pontius. Die erste christliche Biographie.* Leipzig, 1913. S. 3.

рода совпадения общими топосами в африканской агиографии, но можно также предположить, что Мариан, Иаков и их анонимный товарищ были членами общины Карфагена и услышали от Понтия или других единоверцев о чудесном сне Киприана¹¹. Если бы анонимный автор «Мученичества» располагал какими-то письменными черновиками Понтия, то, вероятно, столь важный для христиан образ он описал бы схожим с автором «Жития» образом¹². Кроме того, в тексте упомянуты всего три епископа: Агапий и Секундин, настроившие христиан в Мугуасе принять мучение, а также Киприан. Представляется, что если бы Мариан и Иаков были бы духовными чадами другого епископа, то в тексте содержалось бы упоминание об этом¹³. Напротив, если они были христианами Карфагена и присутствовали на казни своего наставника, то их желание последовать за ним было вполне понятным. Также становится ясной и причина их путешествия. Ведь, как будет показано далее, ни Мариан, ни Иаков не были клириками, что в значительной мере затрудняло осуществить задуманное. Так, например, Флавиан, о котором говорится в «Мученичестве Монтана и Луция», был вынужден обманом выдавать себя за дьякона, чтобы добиться смертного приговора (Pass. Mont. et Luc., 20, 1). Во время допроса собирается целая толпа, которая просит наместника не казнить Флавиана и утверждает, что он оговорил себя. Будучи известными в Карфагене, Мариан и Иаков могли столкнуться с аналогичными трудностями, а поскольку они знали, как поясняет автор

¹¹ Aronen J. *Marianus' Vision in the Acts of Marianus and Iacobus: An Analysis of Style, Structure and Generic Composition* // Wiener Studien. 1984. N 97. P. 169–170.

¹² О прямых заимствованиях в «Мученичестве Мариана и Иакова» из других агиографических памятников см.: Aronen J. *Marianus' Vision...* P. 186.

¹³ Обратную точку зрения см.: Dunn G. G. *The Reception of the Martyrdom of Cyprian of Carthage in Early Christian Literature* // *Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter* / Ed. Leemans J. Leuven, 2010. P. 83–84.

«Мученичества», что в Нумидии «в то время из-за сильного бешенства слепого населения из язычников, вздымались силы преследований, которые проводили военные власти», то наши герои двинулись в путь навстречу мученическому венцу (Pass. Mariani, 2, 2).

Достигнув пригорода Цирты, они останавливаются в доме, где жили христиане. Сюда же приходят епископы Агапий и Секундин, которые возвращались из изгнания, куда они, очевидно, были отправлены по первому эдикту Валериана, чтобы вновь предстать перед судом наместника. События, которые происходили в дальнейшем, вызывают множество вопросов. В первую очередь, неясной остается причина, по которой Мариан, Иаков и их товарищи подвергаются аресту. Безусловно, в тексте говорится о ненависти, которую языческое население поселка испытывало к христианам, что вполне соответствует настроениям в период массовых антихристианских гонений. Часть исследователей полагает, что присутствие епископов вызвало подозрение у язычников Мугуаса¹⁴. Тем не менее, арест не был случайным, о чем прямо заявляет наш автор (Pass. Mariani, 4, 3). В пользу этого говорит и то, что для конвоирования верующих является целая воинская команда во главе с центурионами. Представляется, что арест можно связать с предшествующими событиями, ведь он происходит через два дня, после того, как Мугуас был покинут епископами, следовательно, к этому времени Агапий и Секундин уже достигли Цирты и предстали перед судом презида (Pass. Mariani, 4, 2). К сожалению, официальные акты их допроса не сохранились, однако, полагая, что римские чиновники располагали общими инструкциями относительно ведения дел о христианах, и, опираясь на известные «Проконсульские акты» Киприана, можно заключить, что

¹⁴ Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. T. 2: Saint Cyprien et son temps. Paris, 1902. P. 154; Sallmann K., von. Die Literatur des Umbruchs... S. 428.

им также был задан вопрос: «Кто является пресвитерами в вашем городе?» (Acta Сург., 1, 5). И в отличие от карфагенского епископа, до конца жизни пытавшегося оградить от гибели свих прихожан и заявившего на допросе перед изгнанием в Курубис, что у римлян есть закон, запрещающий доносы, Агапий и Секундин, зная горячее стремление верующих, собравшихся в Мугуасе и, возможно, других местах, принять мученический венец, могли быть более откровенны. Более того, текст источника позволяет предположить, что это был именно Агапий. Он характеризуется как епископ, известный, помимо прочего, святостью целомудрия. Очевидно, Агапий был старше Секундина и обладал большим духовным авторитетом (Pass. Mariani, 4, 1). Не случайно именно он появляется в видении Иакова среди пирующих в раю и обещает мученикам, что на следующий день они присоединятся к нему (Pass. Marani, 11, 2–5). Судя по всему, именно Агапий наставлял верующий Мугуаса следовать по пути мученичества. В тексте говорится о его духовных дочерях, Антонии и Тертулле, которые под влиянием епископа также приняли мученическую смерть. Видимо, в какой-то момент девушки начали испытывать сомнения, и тогда Агапий сообщил им, что его молитва о скорейшем страдании для них услышана Господом (Pass. Marani, 11, 1).

Итак, Мариан и Иаков оказываются в заключении в Цирте. Примечательно, что автор «Мученичества» сопровождает их по дороге в тюрьму, однако на него проводившие арест центурионы не обращают никакого внимания. Последовавшая затем сцена допроса — одна из интереснейших в «Мученичестве». Поскольку Иаков уже претерпел страдания во время гонений Деция, то пожелал (*affectavit*) исповедать себя не только христианином, но и дьяконом (Pass. Mariani, 5, 2). Напротив, Мариан объявляет себя только чтецом (*lector*), кем он и был на самом деле, но не с целью избежать наказания, как полагают римские вла-

сти, а чтобы, пройдя через телесные страдания, обрести статус исповедника. Таким образом, вполне можно предположить, что в действительности ни один из наших героев не являлся клириком. Этот фрагмент достаточно точно подтверждает ту запутанную картину, которая складывалась в африканской церкви в середине III в. Напомним, что Киприан Карфагенский столкнулся с серьезной оппозицией в лице исповедников. Неопределенность канонического статуса последних в сочетании с особым отношением среди верующих к мученичеству позволяла им присваивать многие священнические функции.

Римские власти представлены в тексте весьма поверхностно. За исключением двух сцен: ареста христиан и пытки Мариана в тюрьме Цирты, автор не дает никакой информации о президах и других магистратах. С одной стороны, это свидетельствует о том, что составитель «Мученичества» не располагал какими-то официальными актами допросов и описывал события по собственным воспоминаниям. С другой, как справедливо отмечает А. Д. Пантелеев, христиане вели духовную борьбу не с римскими властями, а с дьяволом¹⁵. В этом смысле персоналии, которыми помыкает враг рода человеческого, совершенно неважны для агиографического сюжета¹⁶. Пытают Мариана гарнизонные солдаты (*milites stationarii*), которым помогает центурион и магистраты Цирты. Как отмечает Е. Бикерман, существовала разработанная процедура, когда местная власть «тщательно изучала» обстоятельства дела, опрашивала свидетелей, проводила дознание, и готовила заключение, опираясь на которое, вышестоящая инстанция выносила приговор. Префект Цирты, который не обладал правом вынесения смертного приговора (*ius gladii*), отправляет

¹⁵ Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 3. СПб., 2004. С. 416.

¹⁶ О римских чиновниках в Нумидии см.: Каргальцев А. В. К вопросу о гонениях Валериана в Нумидии... С. 375–389.

христиан в Ламбез вместе с документами для утверждения приговора наместником провинции. Элементы подобной практики хорошо изучены по египетским источникам (Pap. Oslo, II, 18)¹⁷. Эта разница между предварительным дознанием и собственно судом фиксируется и другими агиографическими памятниками (ср.: Pass. Felicis Episc.). Появление солдат при аресте и пытке не кажется исключительной мерой. Любопытную версию предлагал А. Д. Дмитриев: захваченные в Мугуасе христиане в действительности принадлежали к демократическому крылу африканской церкви, известному впоследствии как агонистики, которые вели вооруженную борьбу с римскими войсками на стороне грабивших Нумидию кабилонцев¹⁸. Тем не менее, наш источник не дает оснований для столь широкий обобщений, ведь участвовавшие в аресте солдаты, вероятно, не относились к регулярной армии и выполняли полицейские функции в городе¹⁹.

Что касается пытки, то власти прибегают к ней в отношении тех заключенных, о которых прямо не говорится в эдикте, и требуется выяснить, принадлежат они к клирикам или нет²⁰. Пытают Мариана, статус которого не очень понятен (Pass. Mariani, 5, 4–7), пытками угрожают Флавиану, который, как считается, обманом выдавал себя за дьякона (Pass. Mont. et Luc., 20, 1), наконец, в тюрьме умирают новообращенные Донатиан и Примул, ведь, по всей видимости, они единственные из всей группы карфагенских христиан были подвергнуты жестокому истязанию (Pass. Mont. et Luc., 2, 1). На наш взгляд, не просто смерть в тюрьме, как полагает А. Б. Софян, стала причиной последующе-

¹⁷ Bickerman E. J. *Utilitas Crucis* // *Studies in Jewish and Christian History*. Vol. 3. Leiden, 1986. P. 98.

¹⁸ Дмитриев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцелионах // *Вестник Древней Истории*. 1948. № 3. С. 73.

¹⁹ Lopuszanski G. *La police romaine et les Chrétiens* // *L'Antiquité classique*. 1951. N 20. P. 18–19.

²⁰ Sallmann K., von *Die Literatur des Umbruchs...* S. 428.

го почитания как мучеников, но именно перенесенные ими истязания²¹. Итак, в тех случаях когда миряне хотели претерпеть мученичество, они легко могли спровоцировать римские власти, либо не поясняя определенно свой статус, либо прибегая к обману. Очевидно, последний не очень отягощал христианскую совесть, особенно в тех случаях, когда речь шла о мученичестве, поскольку второе крещение кровью полностью смывает все грехи (Pass. Mariani, 11, 10). Кроме того, африканские христиане привыкли получать определенные свидетельства в виде видений и снов, после которых их деяния на пути к страданию, безусловно, были оправданы. Как ни парадоксально, но в действиях римских властей просматривается определенная гуманная логика. Если еще при Деции исповедания христианской веры было достаточно, чтобы подвергнуться казни, то при Валериане гонения коснулись сравнительно небольшой группы: клириков и епископов, которые, будучи обличенными заботами о своей пастве, очевидно, были менее склонны к проявлениям разного рода ригоризма. Поскольку сами христиане утверждают, что не лгут во время допросов, то тем самым круг потенциальных мучеников значительно сужался (ср., Just. I Apol., 39). Очевидно, такого рода инструкции были получены римскими наместниками, что и определило порядок судопроизводства над христианами. Во всяком случае, об этом говорится при описании ламбезской тюрьмы, где клириков содержали отдельно от мирян, дабы последние, лишённые духовной поддержки, склонялись к отступничеству (Pass. Mariani, Pass. Mariani, 10, 2). Тем не менее, в действительности все было куда сложнее: когда наших героев выводят на публику из тюрьмы Цирты, дабы препроводить в Ламбез, некий христианин из собравшихся вокруг братьев начинает громко исповедовать свою

²¹ Софян А. Б. Мученичество и исповедничество: синонимы или разные степени одного подвига? // Вестник Новгородского Государственного Университета. 2008. № 49. С. 35.

веру, очевидно, также стремясь присоединиться к будущим мученикам (Pass. Mariani, 9, 2).

Один из интереснейших героев «Мученичества» — всадник Эмилиан, который оказался в заключении вместе с Марианом и Иаковом в тюрьме Цирты. Напомним, что по эдикту Валериана, всадников следовало лишать достоинства, отбирать у них имущество, а если и после этого они продолжали упорствовать в исповедании веры — отрубать им голову (Сург. Ер., 80). Поскольку Эмилиан придерживается строгой аскезы — лишение имущества не является для него страшным наказанием (Pass. Mariani, 8, 2). Однако власти Цирты не спешат его казнить: во-первых, он не принадлежит к клиру, во-вторых, даже если его и лишили достоинства, очевидно, ранее он был равным президу по статусу и социальному положению²². Схожую осторожность можно обнаружить в «Мученичестве Аполлония». Этот римский сенатор пострадал за веру в правление Коммода, но предварительно был допрошен префектом претория и после сенатом, перед которым он произнес яркую апологетическую речь²³. На Востоке столь длительное разбирательство было в порядке вещей, но для Рима подобный случай скорее уникален. Если решение о казни христианина незнатного происхождения находилось в компетенции провинциального наместника, то в отношении всадника, очевидно, требовалось специальное судебное рассмотрение. Иными словами, наместникам в Цирте и Ламбезе гораздо проще было бы добиться отречения Эмилиана, чем устраивать суд над ним. Кроме того, здесь мы еще раз можем убедиться в

²² О провинциальных наместниках в Нумидии в этот период см.: Birley A. R. A Persecuting praeses of Numidia under Valerian // *Journal of Theological Studies*. 1991. N 42. P. 598–610; Le Glay M. L'administration centrale de la province de Numidie de Septime Sévère à Gallien // *Antiquités africaines*. 1991. N 27. P. 83–92; Christol M. Les gouverneurs de Numidie sous Valérien et Gallien et l'histoire militaire de la province entre 253 et 260 // *L'Antiquité Classique*. 2003. T. 72. P. 141–159.

²³ Здесь и далее текст цитируется по классическому изданию: *The Acts of the Christian Martyrs*. P. 90–105.

точности записанного корреспондентами Киприана второго эдикта Валериана, который, фактически, требовал добиваться лояльности знатных мужей и предавать их казни только в случае явного упорства. Очевидно, догадывается об этом и сам Эмилиан, поэтому продолжает стойко терпеть тяготы заключения, тогда как видения с обещанием скорого мученичества, посылаемые от Господа, ничуть не обнадеживают его. Кроме того, автор «Мученичества» специально подчеркивает, что всадническое достоинство Эмилиан имел у язычников, то есть в христианской среде его положение было незначительным. К тому же если нормы эдикта Валериана в отношении него были выполнены, и Эмилиан был лишен имущества, то он уже не мог из своих средств поддерживать единоверцев, располагая их к себе²⁴. В дополнение к этому он, по всей видимости, не подвергается истязаниям, что лишь усиливает тяготы. Как уже отмечалось, исповедничество рассматривалось верующими Северной Африки и как ступень в церковной иерархии, и как начало пути к мученичеству. Христианин, лишенный такого рода знаков избранничества, мог быть всерьез обеспокоен будущим своим спасением. Здесь можно согласиться с К. Мосс, что небесная награда не претерпевшим страдание была, в представлении африканских христиан, гораздо меньшей²⁵. Именно поэтому в своем видении Эмилиан называет двоих, достойных мученичества, под которыми, очевидно, подразумеваются Мариан и Иаков, и скромно умалчивает о себе, хотя и поясняет, что «те, кто с большим трудом и более медленно побеждают, большей славой увенчаны» (Pass. Mariani, 8, 11). И чтобы

²⁴ О положении в тюрьме состоятельных христиан см.: Пантелеев А. Д. «Допустим, что темница даже христианам в тягость»: Мученик в тюрьме // Власть и культура. Сборник конференции памяти основателя Центра исторической психологии В. П. Денисенко (25 ноября 2006 г.). СПб., 2007. С. 87–101.

²⁵ Moss C. The Myth of Persecution: How Early Christians Invented a Story of Martyrdom. New York, 2013. P. 210–211.

добиться признания своей христианской веры он самостоятельно постится сверх обычного, что в определенном плане сближает его положение с положением исповедника. Дальнейшая судьба Эмилиана неизвестна. Некоторые исследователи предполагают, что он был казнен с остальными христианами, однако основания для этого явно ненадежны: «Римский мартиролог» помещает его 29 апреля вместе с Агапием, Секундином, Антонией и Тертуллой, что, во-первых, расходится с данными Мартиролога Иеронима и Карфагенского календаря, а во-вторых, Эмилиан, очевидно, был жив в тот момент, когда в Цирте оказались наши герои²⁶.

Заключает повествование сцена казни Мариана и Иакова. Христиан выстраивают на берегу реки, очевидно, в окрестностях Ламбеза, завязывают глаза, затем палач отрубает головы одному за другим, сбрасывая тела в воду. Как отмечает автор «Мученичества», на этом месте было казнено столько христиан, что если их тела собрать вместе, они бы перегородили течение реки (Pass. Mariani, 12, 1–3). Он видит в таком способе расправы божественное провидение, ведь подобно первому крещению в воде мученики принимают новое крещение кровью (Pass. Mariani, 11, 10). Однако, на наш взгляд, причина здесь вполне прагматична: в середине III в. власти уже вынуждены скрывать место погребения христиан, очевидно, из опасения последующего их почитания. Этот сюжет, в частности, находит отражение в «Мученичестве вексиллария Фабия» (Passio Fabii) эпохи Диоклетиана. Наместник, осудивший Фабия, с горечью сетует, что дал христианам нового мученика, и приказывает разрубить его тело на части и выбросить в море. Кроме того, такой способ казни в случае, если они, действительно, носили массовый характер, легко позволял скрыть масштабы преследований.

²⁶ Keresztes P. Two Edicts of the Emperor Valerian // *Vigiliae Christianae*. 1975. N 29. P. 86.

Мы не будем подробно останавливаться на снах и видениях героев «Мученичества»; в отличие от других частей текста, они достаточно подробно исследованы, как на Западе, так и с недавнего времени в отечественных работах²⁷. Заметим лишь, что заключение А. Н. Крюковой о том, что видения отражают главную идею произведения — небесное воздаяние мученикам, безусловно, справедливо, но куда более важной, на наш взгляд, является идея покорности Божественной воле. Именно эта мысль объединяет весь текст: автор «Мученичества» хочет следовать к венцу славы вместе со своими друзьями, но вынужден подчиниться другой цели — прославлению их страдания среди братьев. Мариан и Иаков получают видения, и должны следовать им, не взирая на некоторые сомнительные обстоятельства. Агапий только после откровения обещает своим духовным дочерям грядущее прославление. Эмилиан такого откровения не получает, и хотя также стремится к мученичеству, должен подчиниться и продолжать свое служение на земле. Как представляется, идея покорности воле Бога имеет целью показать, что все деяния героев не что иное, как подражание Христу (*imitatio Christi*). В под-

²⁷ К сожалению, в отечественной науке количество исследований посвященных «Мученичеству Мариана и Иакова» невелико. До недавнего времени, отдельные фрагменты этого памятника нашли отражение в трудах: Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом / 2-е изд., исправ. и доп. СПб., 2003. С. 136; Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Ч. 2: История Церкви в период до Константина Великого. М., 1994. С. 130; Дмитрев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцеллионах. С. 66–78. Однако в последние годы появляется сразу несколько работ, целиком или частично посвященных «Мученичеству»: Софян А. Б. Мученичество и исповедничество: синонимы или разные степени одного подвига? С. 33–36; Крюкова А. Н. Поэтика сновидений в Мученичестве Мариана и Иакова // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб., 2013. С. 457–468; Каргальцев А. В. К вопросу о гонениях Валериана... С. 375–389.

тверждение этого, текст заканчивается весьма выразительным эпизодом — появляется мать Мариана, которая радуется мученической кончине сына и целует рану на его шее (Pass. Mariani,). Этот фрагмент явно расходится со всем предыдущим повествованием: ведь любящая мать не встречает сына на пути из Цирты в Ламбез, нет ее и среди единоверцев присутствующих при казни. Она появляется неожиданно, но явно не случайно, поскольку схожие сюжеты мы видим в других «Мученичествах» (Pass. Mont. et Luc., 16, 3–4). Вместе с пояснением автора, что эта женщина достойна именоваться Марией, смысл этого фрагмента становится понятен. Мариан как бы проходит все ступени крестного пути: беседу в доме с единоверцами, арест, пытки и издевательства солдат, наконец, казнь и переживания матери с телом сына на руках, душа которого достигла славы на небесах. Как будто идее подражания Христу противоречит поведение Мариана во время казни, который грозит язычникам страшными бедствиями (Pass. Mariani,). Ведь Спаситель ясно наставляет своих учеников: «Молитесь за обижающих вас...» (Matt. 5, 44–48)²⁸. Однако, как точно отмечают комментаторы «Мученичества», это не угроза в адрес врагов, а пророчество грядущего Апокалипсиса²⁹. В научной литературе уже довольно давно дискутируется вопрос, почему до времени Иеронима на Западе так и не появился полный латинский перевод Нового Завета, но огромным авторитетом пользовались акты мучеников, размышляя в этой связи о мрачной ригористической душе африканского христианина. Представляется, тем не менее, что «Мученичества», помимо прочего, передавали

²⁸ В африканской литературе эта норма не всегда соблюдалась. В корпусе Псевдо-Киприана есть фрагмент, где Иисус с креста предсказывает бедствия для своих гонителей: «caelum patefieri, et tonitrua facta sunt, et tenebrae insustinibiles; terra commota...» (Ps.-Cyp. De mont. Sina et Sion, 8). О схожих бедствиях пророчествует и Мариан, повторяя, таким образом, слова Спасителя.

²⁹ Отдельные отсылки к апоклиптическому пророчеству рассыпаны по всему источнику.

в простой и понятной форме новозаветное содержание, а также его главную идею подражания Спасителю. Показателен в этом смысле более поздний текст — «Акты Максимилиана». Он тоже заканчивается неожиданным появлением некоей женщины, которая забирает из рук отца тело мученика (Акта Maximil., 3, 4). На явные нестыковки в этом эпизоде указывает большинство ученых, видя здесь, прежде всего, следы позднейшей редакции. К этому можно добавить, что, вероятно, в данном случае мы сталкиваемся с редуцированной актуализацией новозаветных идей, смысл которой к концу IV в. оказался утрачен.

* * *

Сохранилось не менее одиннадцати рукописей «Мученичества», которые датируются IX–XIII вв.³⁰ Перевод выполнен по последнему изданию: *The Martyrdom of Marian and James // The Acts of the Christian Martyrs / Ed. by N. Musurillo. Vol. 2. Oxford, 1972. P. 194–213.* Комментарий был сделан с опорой на издания Г. Музурилло и П. Франчи де Кавальери, а также статью Я. Ароненна.

³⁰ *La Passio SS. Mariani et Iacobi / Ed. P. Franchi De' Cavalieri. Roma, 1900. P. 46.*

PASSIO SANCTORUM MARIANI ET IACOBI

1. Всякий раз, когда блаженные мученики Господа Всемогущего и Христа Его, спешащие к обетованному Царствию Небесному, возлюбленным (*carissimis*) своим более скромно вверяют нечто важное, памятуя о смирении, которое всегда имеет обыкновение делать сильнейших в вере, поскольку, чем смиреннее они были, тем большего успеха добились. 2. И нам также славнейшие свидетели Бога оставили это поручение описания славы их. Я говорю про Мариана и Иакова из числа любимейших братьев наших, которые, как вы знаете, были связаны со мной не только единством таинства религиозной жизни, но также общностью (*societate*) и семейными чувствами (*domesticis affectibus*). 3. Они будут бороться против свирепствующего века и против ярости язычников будут иметь настолько высокое состязание, битву свою, в которую они вступили повелением Духа небесного, и поручили через нас передать известие для братьев, не потому что на земле хотели бы славой венца своего надменно (*per jactantiam*) хвалиться, но чтобы благодаря прежним опытам множество людей и народ божий через пример веры смог вооружиться. 4. И справедливо, что на меня возложена дружеская обязанность, которую я собираюсь исполнить. Ибо кто усомнится, была ли у нас общность жизни во время мира, когда обнаружил бы нас во время гонения живущими вместе в нераздельной любви?

2. Итак, мы вместе отправились в Нумидию, как всегда прежде, совместно и дружеской компанией двинувшись в путь к насыщению верой и благочестивому послушанию, которое теперь вело их к небу. 2. И мы пришли в место, именуемое Мугуас³¹, это пригород сельскохозяйственной

³¹ О локализации колонии см.: Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne... P. 153–155; Mullen R. L. The expansion of Christianity:

колонии (*coloniae suburbana*) Цирты³², где в то время из-за сильного бешенства слепого населения из язычников³³, вздымались силы преследований, которые проводили военные власти, словно волнения мира, и для испытания истинной веры ярость дьявола бешеного голодными челюстями глазела³⁴. 3. Потому Мариан и Иаков, блаженные мученики, истинно постигли в себе желанные знаки божественного достоинства; они в том состоянии, когда гроза преследования безумствовала еще сильнее, когда уже подходило время, пробужденные почувствовали, что их шаги были направляемы водительством Христа к месту мученичества. 4. Ибо ярость слепого и кровожадного презида с помощью воинов с враждебными и бешеными душами отыскивала всех возлюбленных Бога. 5. И не одних тех только безумие ярости преследовало, кто, в прежние гонения оставаясь безмятежным, свободно жил для Бога³⁵. Также дьявол протягивал жадную руку к тем, кто ранее в далеком изгнании, если еще не кровью, то рассудком уже были мучениками³⁶. Их дерзкое безумие презида увенчало.

A gazetteer of its first three centuries. Leiden, 2004. P. 317.

³² Цирта в переводе с финикийского — город. Здесь Цирта — столица Нумидии (совр. Константина), после смерти Цезаря получившая название Цирта Юлия. Город известен как родина Марка Корнелия Фронтоня, наставника Марка Аврелия и Луция Вера: Gsell S. Constantine // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Éd. F. Cabrol, H. Leclercq. T. III. Pt. 2. Paris, 1914. P. 2713–2732.

³³ Цирта и ее окрестности были почти полностью романизированы к III в.

³⁴ Активизация военных властей была вызвана набегами берберских племен кабиллов, грабивших и разорявших Нумидию в 50-х гг. III в. (CIL VIII, 2615), см.: Christol M. Les gouverneurs de Numidie sous Valérien et Gallien et l'histoire militaire de la province entre 253 et 260 // L'Antiquité classique. 2003. N 72. P. 143.

³⁵ Речь идет о гонении Деция (249–251 гг.), когда многие христиане смогли избежать участия в общественных жертвоприношениях, укрывшись в безлюдных местах, как Киприан, или будучи членами домовладений, главы которых приносили жертву за себя и за своих домочадцев и клиентов (Сург. Ер., 5, 5).

³⁶ В изгнание были отправлены клирики по первому эдикту Валериана (Eus. HE, VII, 11; Acta Сург. 1, 6).

3. Вследствие этого из изгнания своего возвращались (*perducebantur*) к президу Агапий и Секундин, епископы достойные упоминания, оба — за единокровие в духовной любви, и один — из-за святости целомудрия³⁷. 2. Они были ведомы, я настаиваю, не от наказания (как думали язычники) к наказанию, но от славы к славе³⁸, от сражения к другому сражению, чтобы они приводили бы толпы лживого мира к обретению имени Христа, а также попирали бы жало смерти доблестью совершенной веры. 3. Действительно неправильно было бы, чтобы они медленно искали бы победу в земном сражении, когда Господь уже поспешил взять их себе. 4. И случилось, братья, когда Агапий и Секундин, славные мученики из блистательного священства, по этому пути, когда они отправились в бой ради блаженного мученичества своего, хотя и с мирской силой презида, но по выбору Христа, соблаговолили посетить наше пристанище. 5. Такой внутри них был дух жизни (*vivificationis*) и благодати, что для столь святых и столь блистательных (*praeclaribus*) свидетелей Бога уже было мало того, чтобы посвятить драгоценную кровь своему славному мученичеству, но они хотели воспитать (*fecissent*) других мучеников вдохновением веры своей. 6. Такая нежность (*caritas*) была у них к братьям и такая любовь, что хотя бы и в молчании они могли подкреплять (*adstruere*) веру братьев примерами столь преданного и столь твердого мужества, наконец, в пространны рассуждения об укреплении стойкости они вливали росу спасительного наставления в наши сердца, ибо не могли молчать те, кто живут Словом Божиим. 7. Не удивительно, если в эти несколько дней их спасительное наставление столь сильно

³⁷ Епископ Секундин упоминается в посланиях Киприана (Surg. Epist., 57; 67), а также в числе участников Карфагенского собора 256 г. (Sent. Episcop., 87, 11). Агапий, возможно, был епископом Цирты, который наследовал Крискенту (Crescens), участнику того же собора (Sent. Episcop., 87, 8). Об Агапии и Секундине см.: Leclercq H. L'Afrique chrétienne. T. I. Paris, 1904. P. 230; Owen E. C. E. Some Authentic Acts of the Early Martyrs. London, 1933.

³⁸ Ср.: 2 Кор., 3, 18.

воспламенило души всех нас, поскольку в них Христос светился уже сверканием славы из-за близости страдания.

4. Наконец, в итоге, они, уезжая, оставили Мариана и Иакова настроенными их учением и примером, чтобы, когда они их покинули, те следовали бы по свежим следам своей славы 2. Ибо едва прошло два дня, и вот (et esse)³⁹ длань славы (palma)⁴⁰ искала возлюбленных наших Мариана и Иакова. 3. Не как в других местах, когда тот или иной караульный солдат хватал кого-то, но свирепая рука (manus) центурионов и негодная толпа (multitudo) так напала на виллу, которая нас укрывала, будто это было известное место веры. 4. О желанное для нас нападение! О блаженный трепет достойный ликования! Поскольку они пришли к нам, чтобы праведная кровь Мариана и Иакова исполнила божественный выбор. 5. Едва ли мы могли в том месте, возлюбленные братья, обуздать переполнявшую нас радость, ведь только за два дня до этого одних мы отпускали из наших объятий к их страданиям, как уже мы имели с нами других будущих мучеников. 6. Когда уже зрелый (matura) час Божественного выбора требовал им быть более стойкими, также он коснулся меня маленькой долей славы братьев, и мы были приведены под конвоем из Мугуаса в Цирту. 7. Но возлюбленные и избранные для славы (palmas) страдания следовали с нами, которых и любовь к нам вела, и Христа уже скорое признание. 8. Так, удивительным образом и шли они, шествуя непорочной вереницей, те, которым должно идти прежде [нас]⁴¹. 9. Наконец ожидание не было долгим для них, ибо в то время как, ликуя, ободряли нас, они с большей радостью провозглашали о себе, что

³⁹ Оборот et esse (калька греческого καὶ ἰδοὺ — и вот) часто употребляется в христианской литературе, см., например, (Matt. 12, 42): Johannessohn M. Et esse und sein Ersatz in der Vulgata // Glotta. 1954. Bd. 33. S. 125–156. В контексте видений встречается у языческих авторов (Verg. Aen., 2, 270; Apul. Met., 11, 3). См.: Hilhorst A. Sémitismes et latinismes dans Le Pasteur d'Herma. Nijmegen, 1976. P. 155–157.

⁴⁰ Palma в значении ладонь лишь однажды употребляется в евангельских текстах как рука, истязующая Христа (Matt. 26, 67): alii autem palmas in faciem ei dederunt.

⁴¹ Ср.: Marc. 10, 31; Matt. 19, 30.

они христиане. 10. После они были допрошены, и с тем, что непоколебимые в исповедании Имени твердо стояли на своем, были отведены в тюрьму.

5. Здесь они подверглись многочисленным и жестоким пыткам гарнизонными солдатами (*stationarium militum*), палачами [всех] честных и благочестивых, которым помогали в их жестокости центурион и магистраты Цирты, воистину прислужники дьявола; как будто вера может быть поколеблена истязанием членов, ибо она мало обеспокоена телом⁴². 2. И Иаков, который поскольку всегда был более стоек в твердости веры, ибо прежде уже одержал победу над мучениями в преследование Деция, пожелал (*affectavit*) исповедать себя не только христианином, но и дьяконом. 3. Напротив, Мариана он обязал принять (*fecit obnoxium*) пытки, поскольку тот признал себя только чтецом, кем и был в действительности. 4. Каковы же были эти мучения? Сколь неизведанны, и каковы пытки (*supplicium*) были изысканы ядовитым умом и уловками дьявола, чтобы низвергнуть его. 5. Мариан висел израненный, так что также в самих истязаниях своих, мученику приходила благодать: так он был мучим, что и страдание возвышало его. 6. Но путы (*pexus*), которые держали висящего, охватывали не руки, но самые кончики больших пальцев, то есть, чтобы слабость тонких пальцев сильнее доставляла страдания при несении остального тела. 7. Но, кроме того, к ногам неравные [были подвешены] грузы, чтобы соединение всего тела со своими жилами висело так, что неравномерные муки разрывали его с обеих сторон, и судорога черва ослабляла [его]. 8. Ничего ты, нечестивый язычник, не мог сделать перед храмом Бога⁴³, перед сонаследником Христа⁴⁴. 9. Пусть ты подвесил его тело, истязал бока, разрывал внутренности, наш

⁴² *Milites stationarii* — гарнизонные солдаты, выполнявшие полицейские функции в городе: Fuhrmann C. J. *Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order*. Oxford, 2012. P. 249–252.

⁴³ Ср.: 1 Cor. 3, 16.

⁴⁴ Ср.: Rom. 8, 17.

Мариан, верующий в Бога, возрстал сколь телом, столь и душой (*mente*). 10. Наконец, когда свирепость истязателей была побеждена, он, искренне радующийся своему триумфу, был обратно переведен в тюрьме. Там он с Иаковом и остальными братьями радость Господней победы усердной молитвой отпраздновал⁴⁵.

6. Так что же язычники? Вы верите, что христиане испытывают муки тюрьмы и боятся мирской тьмы, когда их ожидает радость вечного света? 2. Дух, с верной надеждой приходящей благодати мысленно обнимающий небеса, уже не заботиться о своих страданиях. 3. Хотя даже и ищите вы сокровенное и тайное убежище от пыток, тяжкие ужасы темнеющей пещеры и дом мраков, для верующих в Бога никакое грязное место, никакой горький час таким не будет. 4. Христос согревает этих посвященных Богу-Отцу братьев днями и ночами. 5. Поскольку Мариан после истязания его тела впал в безмятежный сон, который божественное достоинство открыло в уповании ожидания (*spei*), и, пробудившись, он сам это так рассказал: 6. «Была открыта мне, говорит он, братья мои, необычайная вершина возвышающегося и ослепительно белоснежного трибунала, на которой на месте презида восседал судья весьма приятного вида. 7. Был там помост (*catasta*)⁴⁶, доступный для подъема не по низкому настилу, и не из одной лишь ступени, но составленный из множества ступеней и далеко ввысь⁴⁷. 8. И были приведены по одной группы исповедников, которых тот судья приговаривал приводить к мечу (*ad gladium duci*). Пришел и мой черед. 9. Тогда я слышу издалека голос ясный и необыкновенный (*vox clara et immensa*), говорящий: «Привести Мариана!»⁴⁸ 10. И я поднимался по тому помосту,

⁴⁵ Ср.: 2 Кор. 2, 14.

⁴⁶ Как поясняет Сальвиан, помост или трибунал (*catasta*), составленный из множества ступеней олицетворяет путь страдания мучеников (*Salv. De gubern. Dei* 3, 6).

⁴⁷ Ср.: *Pass. Perp.* 4. Перпетуя поднимается по лестнице в рай.

⁴⁸ Ср.: *Арос.* 1, 10; 8, 13. В «Житии Св. Мартина» Сульпиция Севера Мартин также в видении слышит Христа, говорящего с ангелами

и вот, неожиданно для меня, показался Киприан, сидящий справа от того судьи, и протянул руку, и поднял меня на более высокое место помоста, и улыбнулся и сказал: “Приди, сядь со мной”⁴⁹. 11. И случилось, что пока другие группы были допрашиваемы, я также сидел рядом. И тот судья поднялся, и мы начали спускаться вниз в его преторий. 12. Путь наш проходил через приятное место (*locum amoenum*)⁵⁰ лугов, зеленых рощ, покрытых цветущей листвой из тенистых кипарисов, поднимающихся к небу, и сосен, касающихся неба⁵¹, так что ты бы

ясным голосом (*Vita Mart.*, 3, 3). В комментариях к «Житию» Ж. Фонтэн отмечает, что подобная традиция обращения к нижестоящим по должности описана у Цицерона (*Cic. Caecin.* 8, 22): *Vie de Saint Martin / Ed. et comm.* J. Fontaine. T. II. Paris, 1967. P. 494. Однако следует согласиться с Я. Ароненом, что рецепция этой традиции в «Мученичестве Мариана» представляется недостаточно надежной: *Aronen J. Marianus' Vision...* P. 183.

⁴⁹ Киприан, епископ Карфагенский, принял мученическую смерть за год до описываемых событий, он появляется в видениях и в других «Мученичествах» (*Pass. Mont. et Luc.*, 11, 2).

⁵⁰ *Locus amoenus* (приятное место) — один из популярнейших образов античной литературы; в самом широком смысле это некое идеальное место отдыха, безмятежности, веселья, место встречи с музами. Иногда это группа райских островов или Элизиум, который предстает в виде сада или тенистой рощи, луга и водного источника: *Russell J. V. A History of Heaven: The Singing Silence.* Princeton, 1997. P. 21. Этот топос появляется уже у Гомера и Гесиода (ἄλλος, λεῖψών), но в особенности получает развитие в поэтических трудах Овидия, Вергилия, Горация, Феокрита и др., см.: *Schönbeck G. Der Locus Amoenus Von Homer Bis Horaz.* Köln, 1964; *Haß P. Der locus amoenus in der antiken Literatur: Zu Theorie und Geschichte eines literarischen Motivs.* Bamberg, 1998. S. 4–5; *Bernstein N. W. Locus Amoenus and Locus Horridus in Ovid's Metamorphoses // Wenshan Review of Literature and Culture.* 2011. Vol. 5. N 1. P. 67–98. Сервий в комментариях к Вергилию указывает, что образы, подобные *locum amoenum*, становятся типичными для произведений риториков (*Serv. Ad Aen.*, 1, 159). Фундаментальное исследование по данному вопросу см.: *Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter.* Tübingen; Basel, 1993. S. 191–209.

⁵¹ Оба дерева, относящиеся к вечнозеленым, в языческой культуре были связаны с божествами подземного мира, в христианской — выступали символами вечной жизни, их ветви использовали во время погребального ритуала (*Plat. Phaedr.*, 230b; *Visio Pauli*, 24). Кипарис как райское дерево появляется в видении Сатура в «Мученичестве Перпетуи» (*Pass. Perp.*, 11, 6). Кроме того в этом качестве кипарис упомянут в апокрифическом «Завете Авраама» (*Test. Abr.*, A3).

мог подумать, что это место и все, что было вокруг, было увенчано зеленеющими лесами. 13. Посередине же ущелья разливался прозрачный источник плодородными потоками и чистыми водами, и вот, внезапно, тот судья исчез с наших глаз. 14. Тогда Киприан поспешно взял фиалу, которая стояла на краю источника, и, так как, похоже, он хотел пить, наполнил ее, затем зачерпнул и, снова наполнив, протянул мне, и я с удовольствием выпил. 15. И тогда я сказал: «Благодарение Богу!», и услышав звук моего голоса, проснулся».

7. Тогда Иакову также в воспоминании вернулось то, что некогда и ему видение Божественного признания явило этот венец. 2. Ибо в предшествующие дни, Мариан, Иаков и я с ними отправились вместе в путь с экипажем той самой телеги, и примерно в середине дня посреди ухабистого пути Иаков, впавший в долгий и удивительный сон, после того как был потревожен и разбужен нами, проснулся и сказал: «Я взволнован не только от моей радости, братья, но и вы со мной должны радоваться! 3. Я, — говорит он, — видел юношу прекрасного и весьма значительного роста, неподпоясанная одежда которого была в таком белоснежном сиянии, что глаза [мои] не могли долго смотреть на нее, ноги его не касались земли, и лицо его было над пределами облаков. 4. Когда он пролетал, то бросил на грудь нам пурпурные пояса, один для тебя Мариан, один для меня, и сказал: «Скорее следуйте за мной!»» 5. О сон, еще более укрепляющий для наших бдений! О сон, которым счастливо спит всякий, кто бодрствует в вере! Какие смертные члены могли бы так спать, ведь только дух имел силы видеть Господа. 6. Следует верить, что столь радостны и так возвышенны были души у мучеников, когда они страдали за исповедание Святого Имени и заблаговременно слышали Христа и видели его, приносящего себя в жертву своим близким, во всяком месте и во всякое время. 7. Ни неутрахающая тряска повозки не была в тягость для них, ни даже полдень, который тогда пылал под ярким солнцем. 9. Никто

не ждал одиночества ночи; Господь новым видом благодати избрал для мученика своего новое время откровения.

8. Это избрание было не только для него одного или для другого. 2. Ибо Эмилиан, который хотя и имел всадническое достоинство у язычников, и все же один [из многих] в тюрьме и сам из братьев, кто достиг почти пятидесятого года жизни в укрощении плоти, непрерывно постясь в тюрьме сверх двух дней (*gemina superpositione*) и многократно повторяя молитвы, с помощью которых его набожная душа, питаясь, готовила себя для таинства Господа на следующий день⁵². Однажды, впад в сон в середине, дня он был вскоре разбужен и открыл нам следующие тайны своего видения. 2. «Когда меня вывели из тюрьмы,— сказал он,— муж из язычников, мой брат по плоти (*frater carnalis*), подбежал ко мне⁵³. 3. Он, очень интересуясь нашими делами, с издевкой в голосе допытывался, стараясь узнать, как долго мы будем терпеть мрак заключения и голод тюрьмы. 4. Я ответил ему: «Воины Христа и во тьме ярчайший свет, и в голоде хлеб насущный имеют Словом Божиим». 5. Когда он услышал это, говорит: “Знайτε, что всех вас, кто в тюрьме содержится, если будете стойко упорствовать, будет ждать смертная казнь”. 6. Я же, опасаясь, не шутит ли он коварно, выдумав ложь, желал подтвердить моление мое и сказал: “Правда ли, что все мы пострадаем?”. 7. Он же снова подтвердил: “Меч и кровь перед вами. Но я бы хотел знать,— сказал он,— для всех ли вас, которые презирают эту

⁵² *gemina superpositione* — «двойное откладывание», то есть перенесение употребления пищи во время поста с вечера на следующий день. В ранней церкви пост заключался в воздержании от пищи в течение светового дня. Возможно, речь идет о посте более двух установленных дней — среды и пятницы. Э. Оуэн видит здесь «двойное ограничение», то есть воздержание и от пищи, и от питья: Owen E. C. E. *Some Authentic Acts...* P. 165.

⁵³ В историографии высказывалась точка зрения, что «брат по плоти» — это равный Эмилиану по статусу представитель всаднического сословия. Таким образом, в его расспросах содержится укор в том, что Эмилиан, отказавшись от своего положения, разорвал отношения с «братьями» из своего сословия: Bradley K. *Apuleius and Antonine Rome: Historical Essays*. Toronto, 2012. P. 110–111.

жизнь, воздаются одинаковые и равные награды небесных даров”. 8. Я ответил ему: “Я недостойн, чтобы приводить суждение о столь великом деле. Подними на мгновение глаза к небу, — сказал я, — и вот ты увидишь неисчислимое множество сверкающих созвездий. Разве всякая звезда сияет одинаково славой (honore) света?⁵⁴ Однако же свет у всех одинаковый”. 9. Но снова заинтересовавшись этим, он добивается того, о чем спрашивал: “Итак, если есть разделение, — говорит он, — которые из вас более заслуживают благоволения Господа?” 10. «Разумеется, — говорю я, — прежде других есть двое, имена которых, известные Богу, тебе же называть их не следует”. 11. Наконец ему, напирющему еще более настойчиво и доискивающемуся еще более назойливо, я сказал: “Те, кто с большим трудом и более медленно побеждают, большей славой увенчаны, и поэтому написано: Легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому в Царство Небесное”»⁵⁵.

9. После этих видений пробыв в тюрьме еще на несколько дней, они были выведены на публику (in publicum), чтобы магистраты Цирты их, прославленных объявлением (elogio) упорнейшего исповедания, уже с частью приговора (damnationis) немедленно отправили к президу. 2. И вдруг некто из многих, стоящих вокруг братьев наших, обратил на себя глаза язычников, ибо уже по причине благодати предстоящего страдания в речи и лице его сиял Христос. 3. И когда из-за этого его допрашивали с жестокими и неистовыми душами, был ли он сам той же веры и имени, он из-за немедленного исповедания моментально обрел радушие. 4. Так, блаженные мученики через изречения свои более обретают свидетелей для Бога, в то время как сами к мученичеству готовятся. И уже направленные к президу они поспешили с решительностью по хлопотному и трудному пути. 5. После этого тюрьма Ламбезская получила их, приведенных к президу, снова, ибо это единственные пристанища для праведных у язычников.

⁵⁴ Ср.: 1 Cor. 15, 41.

⁵⁵ Ср.: Matt. 19, 24; Marc. 10, 25; Luc. 18, 25.

10. Тем временем в течение многих дней через пролитие крови многие братья отошли к Богу, но ярость беснующегося презида, занятая столь многими терзаниями мирян, не смогло добиться (pervenire) жертвоприношения от Мариана, Иакова и клириков. 2. Ибо зачинщик (artifex) так безжалостно разделил между собой степени нашей веры, так как задумал подчинять мирян, отделенных от клириков, через соблазны мира и их страхи. 3. Поэтому возлюбленные наши и верные воины Христа и другие из клира начали немного печалиться, что, когда миряне уже претерпели ради славы своего сражения, столь долгая и столь тяжелая победа сохраняла [их] для себя.

11. В то время Агапий, который уже прежде своим мученичеством достиг таинств совершенной веры, который и сам, вместе с двумя девушками, Антонией и Тертуллой, коих он выделял для себя словно любимейших из детей, часто, повторяя молитвы, он просил, чтобы вместе с ним и они через избрание Бога сделались мученицами, и приобрел уверение своих благодеяний таким откровением, 2. в котором было сказано: «Зачем ты постоянно стремишься к тому, что ты заслужил одной только молитвой?» 3. Итак, этот Агапий, явился Иакову в тюрьме во время сна. Именно перед самым ударом страдания, пока палач ожидается. «И хорошо, — говорит Иаков, — к Агапию и другим блаженным мученикам я иду на пир. 4. Поистине этой ночью, братья, я видел, что наш Агапий более радостный среди других, которых вместе с нами тюрьма Цирты заключала, празднует некий торжественный и исполненный веселья пир. 5. Когда же я и Мариан бросились, словно для агапы, в духе любви и привязанности, нам навстречу выбежал отрок, который, как известно, был один из близнецов, кто тремя днями ранее вместе с матерью пострадал, увитый на шее венцом из роз, держащий перед собой в руке зеленую пальмовую ветвь, 6. и сказал: “Что вы спешите? Радуйтесь и веселитесь, ведь и вы будете совершать трапезу завтра вместе с нами”». 7. О, великое и ясное (praesclara) признание (dignatio) Бога для своих

[избранных]! О, истинное и отеческое милосердие у Господа нашего Иисуса Христа, который возлюбленным своим и снисходит столь великой милостью, и, давая заранее, являет дары кротости своей. 8. Когда в первый день после видения рассвело, и слово (*sententia*) презида уже сослужил (*serviebat*) обетованиям Бога, которыми Мариан и Иаков, и остальные клирики наконец со славой были восставлены патриархам, слово наказания (*animadversionis*) освободило от бедствий мира. 9. Ибо они были приведены на место, где они будут увенчаны (*ad соgoпае locum*), которое краями берегов, возвышенными с обеих сторон, опускалось к реке посередине долины; но также и для зрелища служила эта возвышенность, поднимавшаяся с той и с другой стороны⁵⁶. 10. Русло само посреди низины упивалось поток праведной крови. Но и тот, и другой вид таинства был в избытке, когда и могли креститься своею кровью и омываться в воде.

12. В то время вы могли бы видеть здесь удивительную и мелочную скупость жестокости. Ибо многочисленный праведный народ был ношей для руки палача и самого меча, для стольких шей посвященного, искусная жестокость выстраивала последовательно толпы казнимых рядами, то есть, чтобы удар святотатственного убийцы обрушивался на невинные шеи, словно в порыве некоей ярости. 2. Наконец, чтобы эта кровавая и варварская служба не оказалась сложной, он создал для себя этот способ злодеяния. 3. Ибо, если бы палач сам стоял на месте, то скапливалась бы гора тел от бесконечного умерщвления, ибо даже само переполненное русло не смогло бы принять (*denegaret*) размеры такой резни. 4. Тогда под ударом меча по обычаю глаза из были завязаны, однако никакой мрак не закрыл взор свободной души, но сиял обильный и невыразимый блеск бесконечного света. 5. Ведь многие со своими близкими и стоящими рядом братьями, хотя телесный взор их был закрыт для созерцания, свидетельствовали, поскольку

⁵⁶ Предположительно речь идёт о современной реке Роммель недалеко от Константины: *The Acts of the Christian Martyrs*. P. 211.

видели все же нечто чудесное, что являлись им сверху кони, сияющие белоснежным цветом, на которых ехали юноши одетые в белое⁵⁷. 6. И там было достаточно из числа мучеников, которые подтвердили рассказ товарищей, что они узнали, поскольку слышали своими ушами, и лошадиное ржание, и голос. 7. Тогда и Мариан после этого, уже наполненный духом пророчества, смело и уверенно предсказал скорое отмщение праведной крови, и как бы уже с высоты небес он предрекал различные бедствия мира: эпидемию, порабощение, голод, землетрясение и мучения от ядовитых мух (*synomia venena cruciantia*)⁵⁸. 8. Этим пророчеством не только вера мученика издевалась над язычниками, но также для братьев он предвозвещал призыв мужества для подражания наподобие трубного гласа (*classicum*), чтобы среди стольких бедствий мира для верных Бога скорее представился случай столь благой и драгоценной смерти.

13. Когда все это закончилось, мать Мариана ликующая с радостью, подобно матери Маккавеев, и спокойная за сына, что мученичество уже совершилось, начала поздравлять не только его, но и себя, что родила такого сына⁵⁹. 2. В теле сына он обрела славу своего чрева, и благочестие веры [ее] многократно прижималось губами к самым ранам шеи. 3. О, ты достойная именоваться Марией, мать, благословенна ты и сыном твоим, и именем! ⁶⁰ Кто когда-нибудь полагал бы, что в ней, которую прославил плод собственного чрева, счастье столь великого имени заблуждалось?

⁵⁷ Ср.: Rev. 6, 2.

⁵⁸ Ср.: Exod. 8, 21; Psal. 77, 45. Термин *synomia* (= *synomya*) дословная калька греческого слова *κοινομία*. В Этимологиях Исидор Севильский поясняет его так: *Synomya Graece vocatur, id est musca canina; nam KUON Graece canis vocatur.* (Isid. Etim., 8, 12). Термин фиксируется в Вульгате Иеронима и его переписке (Hier. Epist., 1066 86), однако вся фраза созвучна фрагменту из Псевдо-Киприана (Ps.-Cypr. De mont. Sina et Sion, 8), на основании чего можно говорить лишь о небольшой поздней стилистической правке текста «Мученичества».

⁵⁹ Ср.: 2 Масс. 7, 20–23. Схожие мотивы в других агиографических памятниках: Pass. Mont. et Luc., 16, 4.

⁶⁰ Здесь, очевидно, идёт отсылка к евангельскому сюжету: Luc. 1, 42.

3. Воистину неисчислимо милосердие Бога Всемогущего и Христа Его к своим близким, который не только укрепляет тех, которые веряют имя свое избранию благодати, но и оживляет искуплением крови. 5. Воистину кто может измерить истинную ценность милостей Его? В этом он также всегда трудится с отеческим прощением, чтобы для нас и оно само [искупление], ибо мы верим, что его следует оплачивать нашей кровью, было даровано Всемогущим Богом, Ему слава во веки веков. Аминь!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Aron J. Marianus' Vision in the Acts of Marianus and Iacobus: An Analysis of Style, Structure and Generic Composition // Wiener Studien. 1984. N 97. P. 169–186.
2. Bernstein N. W. Locus Amoenus and Locus Horridus in Ovid's Metamorphoses // Wenshan Review of Literature and Culture. 2011. Vol. 5. N 1. P. 67–98.
3. Bickerman E. J. Utilitas Crucis // Studies in Jewish and Christian History. Vol. 3. Leiden: Brill, 1986. P. 82–138.
4. Birley A. R. A Persecuting praeses of Numidia under Valerian // Journal of Theological Studies. 1991. N 42. P. 598–610.
5. Bradley K. Apuleius and Antonine Rome: Historical Essays. — Toronto: University of Toronto Press, 2012. — 411 p.
6. Christol M. Les gouverneurs de Numidie sous Valérien et Gallien et l'histoire militaire de la province entre 253 et 260 // L'Antiquité Classique. 2003. T. 72. P. 141–159.
7. Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. — Tübingen; Basel: Francke, 1993. — 608 s.
8. Dunn G. G. The Reception of the Martyrdom of Cyprian of Carthage in Early Christian Literature // Martyrdom and Persecution in Late Ancient Christianity. Festschrift Boudewijn Dehandschutter / Ed. by J. Leeman. Leuven: Peeters, 2010. P. 65–86.
9. Frend W. H. C. The Donatist Church. — Oxford: Clarendon Press, 1952. — 376 p.
10. Fuhrmann C. J. Policing the Roman Empire: Soldiers, Administration, and Public Order. — Oxford; New York: Oxford University Press, 2012. — 250 p.

11. Gsell S. Constantine // Dictionnaire d'archéologie chrétienne et de liturgie / Éd. F. Cabrol, H. Leclercq. T. III. Pt. 2. Paris: Letouzey et Ané, 1914. P. 2713–2732.
12. Harnack A. Das Leben Cyprians von Pontius. Die erste christliche Biographie. — Leipzig: Hinrichs, 1913. — 120 s.
13. Haß P. Der locus amoenus in der antiken Literatur: Zu Theorie und Geschichte eines literarischen Motivs: Diss. — Bamberg: WVB, Wiss. Verl. Bamberg, 1998. — 165 s.
14. Hilhorst A. Sémitismes et latinismes dans Le Pasteur d'Hermas. — Nijmegen: Dekker & Van de Vegt, 1976. — 231 p.
15. Johannessohn M. Et ecce und sein Ersatz in der Vulgata // Glotta. 1954. Bd 33. S. 125–156.
16. Keresztes P. Two Edicts of the Emperor Valerian // Vigiliae Christianae. 1975. N 29. P. 81–95.
17. La Passio SS. Mariani et Iacobi / Ed. P. Franchi De' Cavalieri. — Roma: La Passio SS., 1900. — 75 p.
18. Le Glay M. L'administration centrale de la province de Numidie de Septime Sévère à Gallien // Antiquités africaines. 1991. N 27. P. 83–92.
19. Leclercq H. L'Afrique chrétienne. T. 1. — Paris: V. Lecoffre, 1904. — 434 p.
20. Lopuszanski G. La police romaine et les Chrétiens // L'Antiquité classique. 1951. N 20. P. 5–46.
21. Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne depuis les origines jusqu'à l'invasion arabe. T. 2: Saint Cyprien et son temps. — Paris: Leroux, 1902. — 390 p.
22. Moss C. The Myth of Persecution: How Early Christians Invented a Story of Martyrdom. — New York: HarperOne, 2013. — 320 p.
23. Moss C. The Other Christs: Imitating Jesus in Ancient Christian Ideologies of Martyrdom. — Oxford/New York: Oxford University Press, 2010. — 332 p.
24. Mullen R. L. The expansion of Christianity: A gazetteer of its first three centuries. — Leiden: Brill, 2004. — 423 p.
25. Owen E. C. E. Some Authentic Acts of the Early Martyrs. — London: SPCK, 1933. — 183 p.
26. Russell J. B. A History of Heaven: The Singing Silence. — Princeton: A History of Heaven: The Singing Silence. Princeton, 1997. — 236 p.
27. Sallmann K., von. Die Literatur des Umbruchs von der römischen zur christlichen Literatur 117–284 n. Chr. — München: Beck, 1997. — 683 s.
28. Schönbeck G. Der Locus Amoenus Von Homer Bis Horaz. — Köln: Heidelberg, Univ., 1964. — 325 s.

29. The Acts of the Christian Martyrs / Ed. by H. Musurillo. Vol. 2. — Oxford: Clarendon Press, 1972. — 452 p.
30. Sulpicius Severus Vie de Saint Martin / Ed. et comm. J. Fontaine. Т. II. — Paris: Ed. du Cerf, 1968. — 358 p.
31. Болотов В. В. Лекции по истории Древней Церкви. Ч. 2: История Церкви в период до Константина Великого. — СПб.: Типография М. Меркушева, 1910; Репринт. СПб.: Аксион эстин, 2006. — 474 с.
32. Дмитриев А. Д. К вопросу об агонистиках и циркумцелионах // Вестник Древней Истории. 1948. № 3. С. 66–78.
33. Каргальцев А. В. Гонения Валериана и мученичество Киприана Карфагенского // Вестник Санкт-петербургского Университета. Серия 2: История. 2012. № 4. С. 124–130.
34. Каргальцев А. В. К вопросу о гонениях Валериана в Нумидии по материалам «Passio Sanctorum Mariani et Iacobi» // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 13. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2013. С. 375–389.
35. Крюкова А. Н. Поэтика сновидений в Мученичестве Мариана и Иакова // Индоевропейское языкознание и классическая филология-XVII (чтения памяти И. М. Тронского). Материалы Международной конференции, проходившей 24–26 июня 2013 г. / Под ред. Н. Н. Казанского. СПб.: Наука, 2013. С. 457–468.
36. Лебедев А. П. Эпоха гонений на христиан и утверждение христианства в греко-римском мире при Константине Великом / 2-е изд., исправ. и доп. — СПб.: Издательство Олега Абышко, 2003. — 364 с.
37. Пантелеев А. Д. «Допустим, что темница даже христианам в тягость»: Мученик в тюрьме // Власть и культура. Сборник конференции памяти основателя Центра исторической психологии В. П. Денисенко (25 ноября 2006 г.). СПб.: Изд-во РХГА, 2007. С. 87–101.
38. Пантелеев А. Д. Христиане и римская армия от Павла до Тертуллиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 3. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 87–101.
39. Софян А. В. Мученичество и исповедничество: синонимы или разные степени одного подвига? // Вестник Новгородского Государственного Университета. 2008. № 49. С. 33–36.
40. Циркин Ю. Б. Император Деций: Попытка возрождения Рима // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира / Под ред. проф. Э. Д. Фролова. Вып. 8. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2009. С. 313–328.